

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ФАКУЛЬТЕТ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы V Международного
научно-практического семинара

24 апреля 2014 г.
г. Барановичи
Республика Беларусь

Барановичи
РИО БарГУ
2014

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
учреждения образования «Барановичский государственный университет»

Р е ц е н з е н т ы:

- Л. Г. Тарусова*, кандидат педагогических наук, доцент, первый проректор Государственного учреждения образования «Академия последипломого образования», Минск;
М. Н. Дедулевич, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе учреждения образования «Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова», Могилёв;
Л. Е. Петухова, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дошкольного и начального образования Херсонского государственного университета, Херсон, Украина;
Я. Л. Коломинский, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», Минск;
Н. А. Бужинская, заведующий Государственным учреждением образования «Ясли-сад № 8 г. Барановичи», Барановичи;
З. Р. Железнякова, доцент, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики детства учреждения образования «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина», Брест

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

- А. В. Никишова* (гл. ред.), *Н. Г. Дубешко* (отв. ред.),
О. К. Васильева, *С. А. Дерман*, *Н. Ф. Захарченя*, *С. В. Кондратюк*,
Н. А. Королёва, *М. Л. Кривуть*, *К. С. Тристень*

Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы [Текст] : материалы V Междунар. науч.-практ. семинара, 24 апр. 2014 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), Н. Г. Дубешко (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2014. — 256, [2] с. — 96 экз. — ISBN 978-985-498-569-5.

Представлены результаты научных исследований, экспериментальной, инновационной, практической деятельности и передового педагогического опыта учёных и практиков в Республике Беларусь, Российской Федерации, Украине, Молдове в области дошкольной педагогики, детской психологии, частных методик, а также подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов системы дошкольного образования.

Адресуется педагогическим работникам, психологам, специалистам системы дошкольного образования, студентам учреждений высшего образования, магистратуры, аспирантам, научным работникам.

Табл. 9. Рис. 4.

УДК 373
ББК 74.1

УДК 159.99:37.015.3

Т. Е. Яценко
БарГУ, Барановичи

ФЕНОМЕН ДЕВИКТИМИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ВЗРОСЛЫЙ—РЕБЁНОК»

Введение. В настоящее время в психологии отмечается повышенный интерес к проблеме психологического сопровождения виктимной личности. Термин «виктимная личность» в современном толковании вбирает в себя не только лиц, склонных к девиантному поведению, но и лиц, являющихся жертвами неблагоприятных условий социализации.

Согласно М. П. Долговых, виктимность как виктимный потенциал — это совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, индивидуально-психологических и психофизиологических детерминант, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, наносящему ущерб его физическому или психоэмоциональному здоровью [1, с. 4—5]. Учёный обращает внимание на то, что виктимность препятствует эффективному преодолению личностью стрессовых ситуаций, снижает сопротивляемость и устойчивость человека и общества к негативным внутренним и внешним угрозам, повышает степень предрасположенности стать жертвой психологического насилия.

Виктимность сопровождается негативной трансформацией образа-«Я» человека, одним из важных периодов формирования которого выступает дошкольный возраст.

Существует множество типологий виктимных личностей: в зависимости от ситуационно-ориентированных ролей (Д. В. Ривман), степени выраженности виктимных качеств личности (Д. В. Ривман),

типа виктимной активности личности (О. О. Андронникова), выраженности рентной установки на виктимное поведение (М. А. Одинцова и Н. П. Радчикова). Общими характеристиками, присущими различным виктимным типам личности, выступают низкий уровень самостоятельности, желание переложить ответственность за свою жизнь на другого, конформность, отсутствие собственной позиции, склонность к выстраиванию созависимых отношений, низкая чувствительность к себе. Со временем у многих виктимных детей вырабатывается рентная установка на виктимное поведение.

Рентная установка — это особое состояние готовности к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) из своего неблагоприятного положения, возникающее на фоне необоснованной помощи и поддержки со стороны микроокружения и макроокружения, и оказывающее деформирующее влияние на личность и её поведение [2, с. 309].

Среди факторов виктимности учёными отмечаются неправильное воспитание, содержащее элементы психологической виктимизации, характеризующееся поощрением у детей виктимных качеств (А. Адлер, Э. Берн, С. Карпман), необоснованная помощь и поддержка (Э. Крепелин), демонстрация взрослыми виктимной модели поведения, которая через механизмы идентификации и подражания усваивается детьми.

Актуальность проблемы преодоления виктимности у детей обусловлена тем, что ребёнок, демонстрирующий виктимную модель поведения, не способен самостоятельно отказаться от неё в силу ряда причин. Во-первых, виктимное поведение часто позволяет детям получать поддержку, сочувствие со стороны взрослых, и поэтому дети начинают с течением времени манипулировать взрослыми, намеренно демонстрируя свою беспомощность и пессимизм, чтобы получить желаемое. У данной категории детей укрепляется рентная установка на виктимное поведение [3]. Во-вторых, дети, длительное время подверженные психологическому насилию, демонстрируют реакцию диссоциации (негативная оценка себя с позиции агрессора как некомпетентного, неспособного), что порождает стремление угождать агрессору с тем, чтобы заслужить его позитивную оценку. В-третьих, неуверенность в себе, высокий уровень мотивации избегания неудач обуславливают возникновение у виктимных детей страха перед демонстрацией другой модели поведения. В-четвёртых, в силу низкого уровня психологической культуры дети не способны самостоятельно выделить неконструктивные звенья в виктимной модели своего поведения.

Основная часть. Ведущая роль в оказании содействия детям в отказе от виктимного поведения принадлежит взрослому, а предпринимаемые им действия в данном направлении получили названия «девиктимизация». Феномен девиктимизации является новым для психологической науки. Учёными предпринимаются попытки раскрытия сущности данного явления в деятельности практических психологов системы образования. Применительно к системе отношений «взрослый—ребёнок» исследования отсутствуют, что требует конкретизации содержания указанного феномена.

Е. С. Фоминых девиктимизацию определяет как трансформацию личности из потенциальной, реальной или воображаемой жертвы в сознательного и ответственного субъекта своей жизни [4, с. 119].

К. В. Вишневецкий указывает, что в отличие от виктимизации, понятие «девиктимизация» представляет собой вид профилактической работы, имеющей целью нейтрализацию или устранение негативных последствий виктимизации, а также реабилитацию конкретных жертв [5].

Девиктимизация в системе отношений «взрослый—ребёнок» представляет собой социально-психологическое воздействие взрослого, стимулирующее ребёнка к демонстрации ассертивной модели поведения и препятствующее проявлению или формированию виктимных черт его личности. В основе девиктимизации — ассертивная модель поведения взрослого, которая реализуется вариативно с учётом типа виктимности ребёнка.

С позиции системного подхода ассертивность означает уважение к психологическим границам другого человека наряду с выстраиванием собственных гибких психологических границ. Интерпретируя теории А. Сальтер, В. Г. Ромека, можно выделить следующие параметры взаимодействия в системе «взрослый—ребёнок»: 1) понимание своих чувств и желаний. Прямое и честное выражение собственных мнений и желаний; 2) эмоциональность речи: открытое, спонтанное и подлинное выражение в речи испытываемых чувств. Под открытостью А. Сальтер понимает умение давать точное название испытываемым чувствам с указанием конкретного человека, который эти чувства вызывает. Подлинность заключается в умении точно обозначать степень, глубину испытываемых чувств без преувеличения или преуменьшения. Спонтанность возникает в силу того, что чувства выражаются в момент их возникновения; 3) экспрессивность и конгруэнтность поведения и речи: ясное проявление чувств в невербальной плоскости и согласованность между словами и невербальным поведением; 4) использование местоимения «я» во всех его языковых формах, отсутствие попыток применять неопределённые формулировки; 5) принятие похвалы как отказ от самоуничижения и недооценки своих сил и качеств и способность хвалить другого; 6) видение и понимание чувств, которые испытывает ребёнок, осознание его желаний на основании особенностей его поведения. Открытое отражение чувств и желаний других. Уверенный взрослый способен помочь ребёнку выразить его чувства и сформулировать его желания для него самого и для других [6; 7].

Девиктимизация возможна при соблюдении ряда условий: 1) взрослые имеют представление о феномене «виктимность», типах виктимной личности, а также умеют выделять среди детей виктимных

личностей на основе анализа их поведения; 2) взрослые негативно относятся к формам психологической виктимизации, обуславливающей повышение уровня виктимности личности детей, и имеют верное представление о признаках, позволяющих отнести социально-психологическое действие к психологическому насилию. Данное условие имеет существенное значение, поскольку виктимные дети обладают способностью провоцировать окружающих своим поведением на проявление по отношению к ним психологического насилия; 3) взрослые знают о сущности, признаках ассертивного взаимодействия как альтернативного психологическому насилию и владеют ассертивной моделью поведения, позволяющей демонстрировать детям модель невиктимного взаимодействия. Приверженность ассертивной модели поведения имеет также существенное значение, поскольку, согласно исследованиям учёных, взрослые, как правило, поощряют в детях стиль взаимодействия, который согласуется с их собственным стилем взаимодействия; 4) взрослые владеют социально-личностными компетенциями в области девиктимизации детей, принадлежащих к различным виктимным типам; 5) взрослым присущи психические качества: высокий или средний уровень ассертивности, низкий уровень виктимности (взрослые не демонстрируют детям виктимную модель поведения как образцовую) и склонности к психологической виктимизации.

М. А. Одинцова выделяет три типа виктимных личностей в зависимости от характера и типа отношений в социальных группах [8]. С учётом психологических портретов данных типов виктимных личностей нами определено содержание их девиктимизации.

Аутовиктимные дети (свойственна игровая роль жертвы) пытаются манипулировать другими, указывая на свою беспомощность, намеренно демонстрируют свой инфантилизм, часто жалуются на своё бедственное положение наряду с общительностью, умением расположить к себе, уступчивостью, покорностью, низкой активностью, угодливостью и зависимостью [2; 3; 8]. Девиктимизация детей данной группы включает в себя следующие действия взрослого: взрослый не поддаётся периодически на манипуляции ребёнка и сохраняет устойчивость ассертивной линии поведения (не выполняет за него какие-либо действия); поощряет самостоятельное принятие ребёнком решений; создаёт ситуацию выбора (передает часть ответственности ребёнку); стимулирует активность ребёнка (включает в совместную деятельность, передает ему часть обязанностей и полномочий); чётко обозначает сферу его ответственности; не предоставляет положительное подкрепление виктимным реакциям ребёнка (повышенное внимание, сочувствие).

Виктимные дети (свойственна социальная роль или статус жертвы) характеризуются наличием стигмы, навязанной окружающими (неудачник, «маменькин сынок», «белая ворона»). Они глубоко переживают своё аутсайдерство, мир кажется им враждебным, они чувствуют себя одиноками и ненужными. Замкнуты. Не любят занимать лидирующие позиции, неуютно чувствуют себя среди сверстников, проявляют некоторое безразличие. Демонстрируют повышенную тревожность, конформность, пассивность, легко расстраиваются. Склонны к самостигматизации [2; 3; 8]. Для девиктимизации детей указанной группы взрослому следует: содействовать исключению из «Я»-образа ребёнка негативных характеристик посредством включения в выполнение видов деятельности, требующих проявления позитивных качеств; акцентировать внимание на позитивных качествах ребёнка, связывая их с его конкретными действиями; подходить к ребёнку с оптимистической позиции: выражать уверенность в его возможностях; формировать позитивное отношение ребёнка к ошибкам и неудачам, а также представление об их временности; стимулировать ребёнка занимать ведущую позицию во взаимодействии со взрослым, демонстрировать его значимость для взрослого: просить совет у ребёнка, помощь, интересоваться его мнением; для преодоления конформности ребёнка исключить советы, предварять выражение своего мнения выслушиванием точки зрения ребёнка и её детальным обсуждением; выражать повышенный интерес к эмоциональному отклику, который вызывают у ребёнка события действительности (развивать чувствительность виктимного ребёнка к себе).

Гипервиктимные дети (свойственна позиция и статус жертвы) проявляют пессимизм, демонстрируют астенические эмоции (печаль, обида, гнев), неудовлетворённость жизнью, постоянно жалуются, обвиняют других в своих неудачах. Они склонны также к самообвинению. Утверждают, что жизнь и окружающие к ним несправедливы. При отсутствии сочувствия и поддержки со стороны окружающих проявляют агрессию. Относятся к себе как к неудачникам, аутайдерам, раздражительны, эгоцентричны. Считают себя жертвами обстоятельств или действий других людей [2; 3; 8]. При девиктимизации отмеченной категории детей действенными являются направления работы, обозначенные для аутовиктимных и виктимных личностей. Кроме этого, взрослому следует: акцентировать внимание ребёнка на его «собственном вкладе» в возникновение неудач; формировать представления у ребёнка о возможности изменения неблагоприятной ситуации при условии приложения им усилий и изменения модели поведения: совместный анализ поведения ребёнка с выделением его слабых звеньев; обращать внимание ребёнка на достижения и его вклад в их получение; оказывать ему умеренное сочувствие и поддержку; развивать у него умение определять и учитывать эмоциональное состояние другого человека, возникающее при взаимодействии с гипервиктимными личностями.

Девиктимизация всех указанных типов виктимных личностей детей требует исключения во взаимодействии с ними позиции взрослого «Спасатель». Согласно С. Карпману, «Спасателю» свойственно ошибочное понимание того, что именно нужно для поощрения, поддержки и защиты ребёнка

с виктимными чертами личности [9]. Он стремится удовлетворять все потребности ребёнка-жертвы, пытается стать для него незаменимым, решает за него все сложные ситуации. Чем больше такой взрослый спасает, тем меньше ответственности берёт на себя тот, о ком он заботится.

Заключение. Девиктимизация детей является достаточно сложным и длительным процессом. Решение задачи девиктимизация усилиями только практического психолога не представляется возможным. Ассертивные умения, сформированные в искусственной среде психокоррекционных занятий, могут оказаться нереализованными в условиях реального взаимодействия со взрослыми и сверстниками. Одной из причин подобного явления выступает низкий уровень готовности взрослых к принятию, поддержанию и позитивной оценке новой, ассертивной, модели поведения детей, к изменению стратегии взаимодействия с ними. Очевидно, что девиктимизация детей изначально требует овладения взрослыми компетенциями в области ассертивного взаимодействия.

Список источников

1. Долговых, М. П. Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / М. П. Долговых ; Тольяттинск. гос. ун-т. — М. : [б. и.], 2009. — 19 с.
2. Одинцова, М. А. Этапы разработки опросника «Тип ролевой виктимности» : [в ? т.] / М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова // Ярослав. пед. вестн. — 2012. — № 1. — Т. II (Психолого-педагогические науки). — С. 309—314.
3. Одинцова, М. А. Психологическая коррекция установки «жертвы» у подростков Чернобыльской зоны : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / М. А. Одинцова ; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. — Ярославль : [б. и.], 2007. — 24 с.
4. Фоминых, Е. С. Девиктимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве вуза : психологический подход / Е. С. Фоминых // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. — 2012. — № 3. — С. 119—123.
5. Вишневецкий, К. В. Место виктимологической теории в криминологии / К. В. Вишневецкий // Общество и право. — 2010. — № 1. — С. 208—212.
6. Ромек, В. Г. Тренинг уверенности в межличностных отношениях / В. Г. Ромек. — СПб. : Речь, 2003. — 175 с.
7. Salter, A. Conditioned reflex therapy / A. Salter. — New York : Capricorn, 1949. — 106 p.
8. Одинцова, М. А. Специфика проявления рентной установки в поведении человека / М. А. Одинцова // Ярослав. пед. вестн. — 2010. — № 2. — С. 192—196.
9. Карпман, Ст. Анализ ролей и положений в сказках и жизненных сценариях [Электронный ресурс] / Ст. Карпман // Вестн. НЛП. — Режим доступа: <http://www.transactional-analysis.ru>. — Дата доступа: 12.07.2013. — Загл. с экрана.

Материал поступил в редакцию 30.12.2013 г.